

Благие пожелания

Автор:

Александр Лапин

Благие пожелания

Александр Лапин

Русский крест #3

Роман «Русский крест» – «сага о поколении», охватывающая масштабный период конца XX – начала XXI века, в которой раскрываются перипетии и повороты судеб четырех школьных друзей. «Русский крест» состоит из пяти книг. Впервые с главными героями романа автор знакомит читателя в книге «Утерянный рай» – лирическом повествовании о школьной юности. Второй роман саги – «Непуганое поколение» – о взрослении, счастливых годах студенчества, службе в армии, первых непростых решениях и ответственности за них.

В третьей книге – «Благие пожелания» внутреннее становление героев происходит на фоне исторических событий, участниками или свидетелями которых они становятся: националистические выступления в союзных республиках, война в Афганистане, землетрясение в Спитаке... «У каждого своя правда» – так называется одна из частей романа. И действительно, каждый из героев будет отстаивать свою правду: у журналиста она одна, у националиста другая, у сотрудника КГБ – третья, а четвертый ищет ее в единении с природой. Каждый из них руководствуется самыми благими пожеланиями, но искренность помыслов, как известно, не всегда является гарантией достижения задуманного результата.

Александр Лапин

Благие пожелания

«Благие пожелания» – третья книга романа «Русский крест», задуманного как летопись моего поколения, которому довелось жить буквально на сломе эпох. Мы не выбирали время, оно выбрало нас, сделав участниками и свидетелями больших событий. В романе я пытаюсь осмыслить не столько прожитые годы (это произведение нельзя назвать автобиографическим), сколько те явления, которые повлияли на мою судьбу и судьбу близких мне людей.

В третьей книге повзрослевшие герои определяют со своей жизненной позицией, точкой зрения на происходящие в стране события. Каждый выберет свой путь: кто-то ринется в бой отстаивать свою правду, будут и те, кто предпочтет занять позицию наблюдателя. Жизнь разведет друзей по разные стороны баррикад.

Каждая книга романа «Русский крест» – новый этап в жизни не только главных героев, но и в судьбе страны: война в Афганистане и националистические войны в бывших союзных республиках, землетрясение в Спитаке и сотрясение устоев общества... Каждому из нас, кто прошел этот путь, пришлось многое испытать, защищать свои семьи, убеждения, находить свое место в новой картине мира. Нам всем есть что рассказать и чем поделиться!

Тешу себя надеждой, что раз вы держите в руках эту книгу, первые два тома романа – «Утерянный рай» и «Непуганое поколение» – вызвали у вас интерес. Давайте вместе продолжим путь по страницам недавней истории!

Александр Лапин

Часть I

Горький урок

Иисус вошел в храм. И тихо присел на скамеечке. Народу тьма. Вот сидят они напротив него – пастухи, рыбаки, менялы, торговцы. Внимательные, насмешливые, робкие, хитрые глаза, но всех он видит насквозь. Сегодня он расскажет им о царствии отца своего, о царствии небесном.

Но чу! У входа какая-то замятня. Раздается шум и гам. Это книжники и фарисеи. А с ними какая-то женщина. Растрепанная. И растерянная.

Они ставят ее, босую, посреди народа. И начинают говорить, обличая:

– Учитель! Эта женщина поймана нами в момент, когда прелюбодействовала с чужим мужем. Моисей в своем законе указал нам, что таких надо побивать камнями. До смерти их. А ты что нам скажешь?

Мгновение он вглядывается в их лица. И читает их якобы хитрые мысли: «Вот мы и поставили тебя в безвыходное положение. Скажешь: "Поступите по Моисееву закону", – нарушишь римский. Откажешься от заповедей отцов – мы обвиним тебя в ереси. Ну как?»

Он же, наклонившись низко над землею, чертит пальцем какие-то знаки. И молчит.

«Милые вы мои дурачки!» – думает он.

Молчание Иисуса раззадоривает обвинителей. И они, нагло глядя на него, продолжают наседать, много раз повторяя свой вопрос.

Наконец он поднимает голову и, посмотрев на них, нетерпеливых, произносит:

– Кто из вас без греха? Первым брось в нее камень!

И все.

Они замолкли. Опустили дерзкие руки. И глаза. Видно, вспомнили. И может быть, впервые за много лет почувствовали стыд.

Тихо-тихо они начали расходиться из храма.

Иисус и женщина остались в одиночестве.

Он спрашивает:

– Женщина! Где твои обвинители? Никто не осудил тебя?

– Никто, Господи!

– Иди с миром. И я не осуждаю тебя. Только впредь не греши...

Не судите, да не судимы будете! Вы!

II

Зима. Прежде чем выйти на улицу, Александр Дубравин по привычке выглядывает в окно.

Унылое декабрьское утро. Горы скрыты за облаками. Кто-то невидимый в небе ошипывает снежную курицу, рассыпает на темную землю белый пух и перья.

Алма-Ата еще в полудреме. Серый, тяжелый, нависший над городом прямоугольный куб здания Центрального комитета тих и покоен. Ни огонька в окнах. Ни движения в длинных коридорах. Замерзли и замерли в ожидании весны фонтаны и каскады. Присыпаны белым пухом парковые вечнозеленые туи, сосны, ели. Застыл уродливый коричневый нарост огромной, непропорционально большой для площади перед зданием ЦК гранитной трибуны. Под нею на сером асфальте переминается озябшая толпа. В воздухе, дергаясь, движутся несколько лозунгов, торопливо написанных на синей ткани: «Ни одной нации, ни одной привилегии! Каждому народу – своего вождя!»

Он переводит взгляд вниз. Его молочно-белая «Волга ГАЗ-3102» со специальными правительственными номерами «0008 АА» уже стоит на аллее у подъезда. Водитель – крепыш Сашка Демури́н – молча курит рядом, пряча сигарету от ветра в ладони. Он в недоумении поглядывает изда́лека на толпу, гужущуюся на площади...

Вперед на улицу. Говорит шоферу вместо «здравствуй»:

– Давай подъедем поближе!

«Волга» мягко трогается с места и мимо заснеженных деревьев, укрытых от непогоды розовых кустов плавно движется вверх по аллее. Теперь в приблизившейся толпе, состоящей сплошь из казахской молодежи, видны еще какие-то лозунги на казахском, пятна портретов Ленина, Кунаева.

– Остановись! – приказывает он Сашке на краю площади.

Выходит из машины. Сколько же их тут? Ну, человек, наверное, двести-триста. А чего хотят? Чего стоят-то?

Подходит поближе. Видит какое-то броуновское движение – толпа, словно вода в котелке, бурлит на месте, выбрасывая из себя, как пузырьки, отдельных людей, которые, постояв минуту рядом, снова ныряют вглубь серой людской массы.

Дубравин топчется на жидком снегу. Потом все-таки решает подойти к демонстрантам. Толпа состоит сплошь из молодых парней так называемого аульного вида. Но он пересиливает неприязнь. И, подойдя к краю, спрашивает одетого в спортивную красную куртку плосколицего парня с иссиня-черной челкой, нависшей из-под лыжной шапочки на глаза:

– А что это за демонстрация?

– Вчера Кунаева сняли на пленуме! Какого-то Калбина прислали в республику, – словно ища у него сочувствия, произносит студент. – Вот мы и вышли. Потому что против этого. Мы за ленинские принципы национальные...

Он не спорит. «Ишь ты, как заворачивают, – думает Дубравин, – выучились марксизму. Вульгарному». Потому что видит: дискуссия бессмысленна.

Он быстро возвращается к машине. Плюхается на кожаное сиденье и говорит водителю:

– Давай обратно домой! Срочно!

Вихрем взлетает по лестнице. Заскакивает в свой кабинет. И кидается к телефону. Торопливо стрекочет под пальцами вращающийся диск. Первый звонок в редакцию...

Но трехчасовая разница во времени между Алма-Атой и Москвой дает о себе знать длинными гудками. Там никто не отвечает. Ни в отделе пропаганды, ни в секретариате, ни в приемной главного. Никого нет. В общем, «тишина и покой в этом парке густом...»

«Ладно, поеду пока займусь текущим заданием...»

* * *

Через пару часов, нарезав несколько кругов по городу, он той же дорогой возвращается домой. Великое стояние на новой площади продолжается. Толпа расползается, разливается по белому свежему снегу грязной чернильной кляксой.

– Ни фиги себе! – присвистывает Александр при виде того, как за это время выросла манифестация. Их тут уже тысячи. И оцепление появилось.

Острым профессиональным взглядом он всматривается в толпу, которая, как отара овец, грудится за жожаками. Подходят все новые и новые группы молодежи. Они останавливаются перед оцеплением, потом бьются, толкаются о милицейскую цепь, прорываются к своим.

На площади их ждут. Радостно вскидывают руки в объятиях. «Торжество свободы и демократии» так и прёт.

Он постоял еще, разглядывая, анализируя состав толпы. Большинство в ней составляли студенты, ребята, недавно приехавшие из аилов. Обитатели общаг и квартиранты бедных частных домишек, они отличаются и внешним видом, и одеждой от так называемых цивилизных городских казахов.

В последнее десятилетие в Алма-Ату буквально хлынула молодежь с юга республики. Это вызывало раздражение у горожан, так как пришельцы привозили с собой свои обычаи, привычки, стереотипы поведения. Их появление в подъезде городского многоэтажного дома можно было отследить по несомненным признакам: многочисленным гостям и родственникам, густому запаху вареной конины, мусору, брошенному прямо в подъезде.

А теперь они вышли на площадь со своими требованиями. И как на это реагировать?

* * *

...Наконец редакция ответила на его призыв. Трубку подняли в стенбюро. Старшая стенографистка тетя Катя, добродушно ворча, спросила:

– Что в такую рань-то звонишь? Все еще чай пьют в буфете редколлегии.

– Да у нас тут такая заваруха началась после вчерашнего решения Москвы. Ещё бы! Сменить Кунаева.

Молодняк на площадь вышел. Что-то будет. Связывайте меня с кем-нибудь!

Через пару минут ответил отдел пропаганды.

– Здорово! Ну что там у тебя приключилось? – спросил референт отдела.

Дубравин, тщательно подбирая слова, обрисовал обстановку.

– Да ты что? Правда? Это ж первополосная сенсация. Первое национальное выступление в стране. Сейчас я позову редактора отдела.

Какая-то возня. Стук в трубке. И взволнованный, по-восточному распевный голос Рафика Хусейнова:

– Саша! Я сейчас на планерке доложу о твоих делах! Будем решать. Не отходи от телефона. Жди! Впрочем, погоди минуточку. Я тебя свяжу с главным. Тетя Катя, дайте главного. Тут такие дела!

Через минуту густой бас главного редактора:

– Ну как там у тебя, Александр?

У Дубравина екнуло под сердцем. Как же, сам главный соизволил с ним говорить. Надо не ударить лицом в грязь.

Старательно, но коротко доложил обстановку.

– На площади собралась казахская молодежь. Выступают супротив решения партии о назначении первым секретарем Колбина...

– Ясно! – протянул голос на том конце провода. – Собирай материал, наблюдай. Шли сообщения. Я сейчас свяжусь с ЦК. Будем решать. А ты, Александр, готовь заметку.

В «Молодежной газете» любой написанный журналистом текст – шла ли речь об огромной статье на полосу или о малюсенькой информации – все называлось коротким словом «заметка». Поэтому Дубравин об объемах переспрашивать постеснялся, но для себя решил: «На полную катушку буду готовить. Мой шанс прозвучать. И я его не упущу».

Он знал, что такие забойные вещи на страницах газет всегда согласовывались с отделом пропаганды ЦК партии. И хотя была объявлена гласность, практика эта не исчезла. Да и редакторы стремились «соломки подстелить». Но он надеялся, что такая тема пройдет. И пусть изрезанный, выправленный, искалеченный, но материал его попадет не в корзину, а на полосу.

Как известно, надежды юношей питают.

* * *

Много воды утекло с тех пор, как студента-журналиста Александра Дубравина «разбирали по частям на комсомольском шабаше» по наущению «комитета глубокого бурения». Для гэбистов его история и его судьба были так, пустячком. Обычной профилактической работой. Небольшой операцией. Для Дубравина же это был переломный момент. Его не исключили со скандалом из университета. Не посадили. Всего-то объявили выговорешник по комсомольской линии. Но напуганная администрация и «общественность» принялись методично и целенаправленно выживать его из универа. Для начала лишили смутьяна общежития. Стукачка комендантша однажды обнаружила в их комнате сломанный стул. И написала по этому поводу рапорт в деканат. Холуи подсустились. И мстительный Конжакеев лишил его койкоместа.

Ладно, переживем.

Потом он, отличник, никак не мог сдать зачет по марксистско-ленинской этике. Получите хвост со всеми вытекающими последствиями: отсутствием стипендии и перспективой отстать от курса.

Дубравин – парень понятливый. Он собрался с духом. Поразмышлял. И подал заявление с просьбой о переводе на заочное отделение. Затем собрал свои студенческие публикации и подался устраиваться на работу в молодежную газету «Ленинская Смена». Там его публикации внимательно прочитали. Долго хвалили. И заведующий рабочим отделом, лохматый и небритый заика поэт Василий Дмитроцкий, дал ему задание написать о соцсоревновании.

По этому заданию он сходил на авторемонтный завод в так называемую комсомольско-молодежную бригаду. Долго разговаривал со всеми. Слушал разные небылицы. Пока, наконец, бригадир этой самой молодежной не ляпнул в сердцах:

– Да нет тут у нас никакого соревнования. Просто работаем, как умеем!

Вооружившись этим признанием, Дубравин соорудил крепкую, забойную, критическую статью. И радостно помчался в редакцию. Но там повели себя как-то странно. Статью оставили у себя. Долго мурыжили. А потом сообщили ему, что она не подошла. А ставка спецкора, на которую он рассчитывал, уже занята.

Дубравин не отчаялся. Руки в ноги – пошел в другое издание. Потом в третье... Но странное дело. Его не взяли на работу даже в детскую газетку «Дружные ребята».

Местов не находилось.

Тогда он прошвырнулся по ведомственным журналам. Побывал в «Народном хозяйстве Казахстана», «Сельском...», «Здравоохранении»... Добрался даже до журнала кино «Жана фильм» – «Новый фильм». Обошел многотиражки... И ничего.

Только со второй попытки ему неожиданно улыбнулась удача. В журнале «Транспорт Казахстана». Главный редактор, тощий, беленький, седенький старичок, внимательно посмотрев публикации, предложил ему для начала полставки корреспондента технического отдела.

На другой день Александр Дубравин, приодевшись как можно официальнее – черный низ, белый верх, – вышел на работу в Министерство транспорта.

Большое, но безликое и казенное здание министерства было построено в тридцатые годы. И чтобы осовременить его облик, придать ему респектабельности и помпезности, в семидесятые к фасаду приделали выдвинутую вперед украшенную серыми мраморными колоннами пристройку. Получилось в общем и целом терпимо. Вот в этой-то пристройке на третьем этаже в трех разноразмерных комнатах и располагалась редакция. В первом кабинетике, заставленном огромным столом, вокруг которого расположились полированные рыжие шкафы, в старом, застеленном овечьей шкурой креслице сидел сам редактор.

Василий Яковлевич Акимов относился к руководителям прежней закваски. Как говорили в старину: «Слуга царю, отец солдатам».

Семнадцатилетним мальчишкой он участвовал в большой мировой войне. И это навсегда наложило отпечаток на его характер. Работать журналистом начал в районной газете во время освоения целины. А потом приехал в Алма-Ату. И последнюю десятку сидел здесь в техническом журнале.

Возраст Василия Яковлевича уже пенсионный. Но министерство его держит. Потому что он некий раритет, достопримечательность: полный кавалер орденов Славы, участник Парада Победы в сорок пятом.

Когда он на праздники надевал свой серенький пиджачок, тяжело нагруженный орденами и медалями, то каждый встречный понимал – идет живая история страны...

Ну а журналом полностью занимался его молодой заместитель. Слава Рыбников, амбициозный, тощий, остроносый, очкастый тип с тяжелым и въедливым характером. Карьерист до мозга костей. Но в хорошем смысле этого слова. Чтобы стать главным, он пахал сам и заставлял работать других.

В третьей, большой общей комнате сидели все остальные сотрудники. Типажи еще те! Отделом перевозок заправлял бывший комсомольский функционер Мишка Куделев. Важный, импозантный, всегда в костюмчике, он считал, что достоин большего. И поэтому постоянно подчеркивал, что тут он временно. На пересидке. В отделе у него пара бесталанных пьяниц. Вечно взлохмаченный, красномордый, белобрысый Володя Пьянков. И еще Ваня Изжогин, фамилия вполне соответствует человеку.

Отделом ремонта заведовал некто Туманов. Человек бесталанный, желчный, морщинистый, выбившийся из таксистов в журналисты. И считавший должность редактора технического отдела верхом карьеры.

Вот под его начало в это, как показалось Дубравину, болото он и попал. «Осталось только заквакать!» – подумал Александр, когда его усадили в самом дальнем уголке большой, заставленной столами комнаты. Но делать нечего. Тем более что пять минут тому назад Акимов прозрачно намекнул ему на причины всех отказов в других редакциях:

– Ты, Сашка, парень молодой! Только начинаешь жить. Держи язык за зубами. Раньше на фронте за нами приглядывал Смерш, но и теперь есть кому приглядывать.

Уже через пару дней он понял, что тиной ему тут обрасти не дадут. В редакции шла борьба. И причиной этой борьбы был Славка Рыбников. Не зря пенсионер Акимов поставил его у руля. Вместо того чтобы сидеть тихо, ковырять в носу и

ждать ухода редактора на пенсию, Рыбников развернул бурную деятельность. Решил сделать из серого провинциального журнала конфетку.

Часто, грозно сверкая очками на остром носу, Рыбников говорил: «Неважно, где ты работаешь. В центральной партийной газете или в маленьком техническом журнале. Надо быть профессионалом! Надо быть лучшим!»

Конечно, старые зубры, давно потерявшие зубы, хотели другого. Тихо доживать в своем болоте, писать всякую абракадабру, халтурить налево и продолжать пьянствовать. Такие, как Изжогин, выработались до того, что брали старые заметки, статьи и переписывали их, вставляя только новые имена и названия предприятий. Подобного рода «творчество» вообще процветало в советской журналистике эпохи застоя. Но в ведомственных изданиях оно разрасталось особенно буйным цветом.

Опытные товарищи на первой же пьянке сразу предложили Александру последовать их примеру: начихать на все потуги зама и присоединиться к их теплой компании. Но Дубравин не нашел с ними общего языка. Не из того теста был сделан этот широкоплечий, здоровенный парень с высоченным лбом и глубоко посаженными внимательными карими глазами, чтобы просто протирать штаны. Он хотел дела.

Философия Рыбникова оказалась ему ближе. Можно сказать, они спелись.

Начали с самого простого. Решили изменить облик журнала. Пригласили молодую выпускницу художественного училища. И давай экспериментировать. Сначала с обложкой. Потом внутри издания. Пересмотрели рубрики. Уменьшили количество всяких технических описаний. Разделили журнал на две части. Ведомственную – с унылыми обязательными статьями. И для любителей. С описаниями новых моделей автомобилей, зарубежных штучек, путешествий.

За красивыми слайдами ездили в Москву, покупали их в картотеке агентства печати «Новости». Много брали из переводных европейских изданий.

И уже через год – невиданное дело – Акимов назначил Дубравина ответственным секретарем. Третьим человеком в редакции. Прямо из корреспондентов. То есть его, по возрасту почти мальчишку, без связей и опыта, поставил над битыми журналюгами и редакторами отделов.

Конечно, заставить работать по-новому халтурщика Пьянкова или бесталанного Туманова было невозможно. Но долгая, нудная борьба за каждое слово, за каждую статью заставляла и их подтягиваться. А, кроме того, Рыбников правильно рассчитывал на Дубравина, разглядел в парне талант, умение найти нужное слово, правильно передать смысл самого занудного технического текста. И Александр оправдывал его надежды.

Дубравин доводил до ума, практически полностью переписывая тексты, которые сдавались ему из отделов.

Он сидел в своем крошечном кабинете за массивным, занимающим почти все его пространство столом. И стол для него был тем же, чем в старину для каторжника тачка. По двенадцать часов в день возился он здесь с планами, макетами, верстками, текстами. Чуть шевеля губами и почесывая кончиком ручки в моменты поиска нужных слов крутой высокий лоб, правил и переписывал все.

Славка Рыбников метил и в ЦК. Но так как у него не было родственных связей и блата, то приходилось вкалывать. Кроме журнала он постоянно занимался аналитической работой для партийных органов. Позвонят из ЦК главному редактору. И говорят: «Нужен толковый грамотный журналист на несколько дней». Отказать нельзя. И он отправляет своего зама.

В отделе пропаганды его встречают как родного. Ведут в библиотеку. Дают там стол, стул. И огромную пыльную подшивку какой-нибудь районной газеты «Новый путь». Он читает ее. Делает анализ газетных публикаций. Что хорошо. А что плохо. Пишет отчет. Сдает его инструктору.

Тот из десятка таких отчетов выбирает факты. Делает свою записку. Она идет наверх. Заведующему сектором. И так далее...

А на пленуме секретарь по идеологии озвучивает в своем докладе факты, которые накопал какой-нибудь безвестный привлеченный журналист.

Ходить на такие поручения из редакций не любили. А вот Рыбников обожал. Зная все номенклатурные тонкости продвижения людей по карьерной лестнице, он понимал, что без поддержки в ЦК компартии никакой высокой должности ему не

занять. И добился своего. Его взяли в отдел пропаганды инструктором.

Ну а молодой да ранний Дубравин стал заместителем. В общем, такой карьерой можно гордиться. И он гордился явно. Но втайне мечтал о другом. Хотел стать корреспондентом центральной газеты. Более того, он твердо знал, что рано или поздно это случится. Как? Непонятно. Почему? Тоже непонятно. Тем более что при приеме на работу Акимов объяснил, почему его не взяли в другие редакции.

Какая уж тут центральная молодежная газета! Сиди тихо. Не рыпайся.

Но он верил.

А в стране тем временем началось шевеление. К власти пришел «Мишка меченый». Были объявлены перестройка, гласность, права человека и прочие ласкающие слух вещи.

Дубравин никуда не рыпался. Вкалывал от души и ждал.

И вот однажды его ни на чем реальном не основанная мечта начала сбываться. Из центрального комитета позвонил Славка Рыбников и сообщил новость:

– Знаешь, старик! Тут у нас в гостях заведующий корреспондентской сетью центральной молодежной газеты из Москвы. Они ищут собственного корреспондента на Казахстан. А найти в редакциях не могут. И уже давно. Вот он и зашел к нам в отдел пропаганды. Чтобы поспрашивать о молодых. Я назвал твою кандидатуру!

«Есть! – мелькнуло в голове у Дубравина. – Это случай, который поменяет всю мою жизнь. Дождлся!»

* * *

Вечером после работы, купив для разговора золотисто-коричневую бутылку четырехзвездочного «Аралата», Дубравин появился в закрытой гостинице центрального комитета. Гостиница называлась «Достык», что в переводе с казахского на русский значит «Дружба». И оказалась шикарной. Паркет, черные дубовые двери, чешские люстры, солидные кожаные диваны, импортная

сантехника, вышколенная обслуга. Здесь останавливались исключительно партийные бонзы. А заведующий корреспондентской сетью центральной молодежной газеты оказался простым и понятным мужиком. Щуплый, невысокого роста, с морщинистым, побитым оспой лицом и светло-голубыми, все понимающими глазами.

Он никак не вписывался в интерьер элитной, партийной гостиницы.

Увидев его, Дубравин, доселе сомневавшийся, облегченно вздохнул: «Правильно я сделал, что взял коньячок».

Они немедленно уговорили бутылочку. А через неделю Дубравина уже вызвали в Москву.

Условия оказались простыми. Надо было доказать, что он способен работать на высоком уровне. И для этого написать пару «гвоздей» – статей, которые вызовут резонанс. Тему предлагали любую.

Дубравин взял письмо из текущей редакционной почты. И поехал в северный город Великий Устюг в речное училище, где процветала дедовщина. Там ему пришлось поработать, можно сказать, следователем, выбивая из курсантов правду. Но отступать уже некуда. И заметку он сделал. Конечно, ее долго правили и кромсали в отделах и секретариате. Но, в конце концов, она вышла в свет.

И однажды утром на экране телевизора Дубравин увидел багрово-толстого генерала, который, размахивая газетой с его статьей, вещал:

– А вот у нас в армии такого нет!

Это был резонанс. И сладкий вкус славы первооткрывателя темы. Ему захотелось еще. Работая в своем техническом журнале, он знал такое, чего обычные журналисты не ведали. И рискнул «вынести сор из избы». Рассказал, как миллионами расхищается выручка в автобусах дальнего следования. Так сказать, «вскрыл механизм».

Скандал разгорелся еще тот! Все министерство гудело, как улей.

Так он попал во всесоюзную молодежную газету. Собственным корреспондентом.

Тому минуло два месяца.

Но попасть – это полдела. Надо проявить себя. Доказать, что ты не зря занимаешь пространство под солнцем.

А доказывать приходилось в ежедневной конкурентной борьбе за место на полосе. Полос всего четыре. А желающих напечататься – сотня.

Никогда еще Дубравин не вкалывал так, как сейчас. Журнальная каторга сменилась «соляными копиями» и «урановыми рудниками», где, по меткому выражению известного поэта, «в грамм добыча, в годы труды». Приходилось ломать себя, биться над каждым абзацем, над каждым словом, чтобы выйти на новый уровень письма. Стать мастером.

Правили его беспощадно. В молодежную газету со всего Союза собирали самых амбициозных, самых лучших. А они не стеснялись, давая новичкам оценки.

Он за это время уже успел съездить по тропе наркоманов в Чуйскую долину, поучаствовать в съезде местного комсомола, написать очерк о детском доме, статью о погибшем в степи чабане-подростке.

Но это была текучка. А хотелось прозвучать. И конечно, увидев утренний митинг, он сразу профессионально зацепился: «Тема или не тема для публикации».

Идет второй год перестройки. Отшумели многие почины: «Экономика должна быть экономной», «Ускорение», «Борьба с пьянством и алкоголизмом». Теперь вот наступила пора «Гласности». Но гласность тоже имеет свои границы. И по сей день редакторы все еще оглядываются на власть. В издательствах сидят цензоры. И правят то, что считают нужным.

В общем, обретение правды не происходит в один момент. Это процесс. Как для пишущих, так и для читающих. Напишет корреспондент статью, вскрывающую какую-нибудь очередную мерзость. И ждет. Дадут по башке? Или нет? Если не дали, значит, можно копать дальше. Дубравин понял это по своей первой

публикации о дедовщине.

Тогда не дали. И теперь он рвался в бой. Но рискнет ли редакция поднимать такую тему, как эта? Неожиданное национальное выступление казахской молодежи на площади.

* * *

Сейчас, окрыленный разговором с редактором, он сел к столу и взялся записывать свои наблюдения в дневник событий:

«Семнадцатое декабря. 1986 год. Мне трудно оценить численность демонстрантов, но, на мой взгляд, на первом этапе их было всего ничего. Может, человек с триста. Но постепенно днем стали подходить все новые и новые. Встретил там Казакова. Он под видом фотокорреспондента вел фотосъемку демонстрантов. Со мной поздоровался так, по-быстрому. И сразу отошел. Сколько же их тут сейчас, сотрудников в штатском? Наверняка до хрена. А вообще, нагнали милицию, войска.

В 11.30 демонстранты организованно покинули площадь. Через пару часов вернулись. Войска оцепили ее. И стали блокировать. То есть никого не впускать и не выпускать. И тут начались стычки. Сначала по улице Мира, со стороны КазГУграда вошла “с боем” большая колонна. С тысячу человек. С красным и белым флагами. Они скандировали: «Ауельбеков! Назарбаев!»

Из разговоров вокруг да около стало понятно, чего они хотят, чтобы убрали Колбина и поставили своего местного!»

III

Пока жив человек, он помнит все. Если не наяву, то во сне. Справедливость этой истины Амантай Турекулов познавал теперь каждую ночь.

Мирно сопит рядом на широченной деревянной кровати беременная жена Айгерим. Тихо капает на кухне из крана вода. Все дышит покоем и благоденствием в элитном номенклатурном районе в центре Алма-Аты. И только он вскидывается и крутится в горячечном, бредовом сне. Ах, какой же это сон! В разном обличье – то восточной красавицы, то рыжей девчонки-подростка – приходит к нему она. Его первая любовь.

И как бы она ни выглядела во сне, он твердо знает – это Альфия.

Поцелуй. И еще поцелуй. Какая-то невыразимая радость разливается в груди. Счастье! Счастье! Полет! Душа заходится от радости.

И горечь пробуждения. Где я? Зачем все это? Как получилось, что ее больше нет? А есть рядом вот эта женщина. Красивая. Холеная. Дебелая. И холодная, как лед.

Эх, все зря!

Он открывает глаза. Пять утра. Снова бессонница: «Что час грядущий нам готовит? Выйдут или нет?» Весь вчерашний короткий световой день прошел у них в обкоме в шепоте и разговорах. Никто не работал. Обсуждали только новость о преемнике Димаш Ахмедовича. О Колбине. Впрочем, не все обсуждали. Он вечером побывал в двух общежитиях, где гудели студенты. А его верный Ербол мотался по ним почти до двух часов ночи.

И где он теперь? На площади? Дома?

Амантай Турекулов, заведующий орготделом обкома комсомола, поднялся с кровати и прямо в синих плавках побрел на большую кухню. Сделал себе черного чая, достал свой доклад на пленуме. И, прихлебывая горечь, принялся внимательно читать его. Резкий звонок телефона заставил его вздрогнуть: «Началось!»

В трубке какое-то сопение. Потом скрежет. Возня. И взволнованный голос Ербола, говорящего почему-то на казахском:

– Абеке! Вышли наши! Человек триста!

Он вскочил со стула. И начал лихорадочно одеваться. Потом остановился. Присел на стул. Дело сделано! Толчок дан. Не надо спешить. Теперь просто ждать, куда кривая вывезет.

Вспомнил вчерашний хитрый разговор с дядей Маратом. Намеками и полунамеками осторожный, дипломатичный дядя постарался объяснить ему сложность политической ситуации. И как предположение высказал мысль о том, «что вот если бы незрелая молодежь, не понимающая истинного смысла решения Политбюро, вышла с протестами, то может быть... Все может быть...» Долгие годы, проведенные в номенклатуре, научили Амантая хорошо понимать «тонкий смысл намеков на толстые обстоятельства».

Он дождался, пока солнечный свет окончательно развеет декабрьскую, хватающую за душу, гнетущую предутреннюю темноту. Чмокает в щеку лежащую на измятой постели ленивую жену. И выходит из подъезда на мороз, где уже ждет его черная «Волга».

* * *

В отличие от всех тех жителей столицы, кто, проснувшись ранним декабрьским утром, с недоумением пялится из окон на новые лозунги и призывы, Амантай Турекулов понимает, о чем идет речь. Годы интриг и номенклатурной борьбы не прошли для него даром. Давно уже он знает тайную подоплеку многих неожиданных для всех и ожидаемых для казахской элиты событий. Вспомнить хотя бы недавний марш ветеранов на Алма-Ату.

Когда наверху, в Кремле, уже совсем было решили создать в Казахстане автономную область для немцев, когда уже выбрали руководство, поделили должности, вдруг вспыхнуло недовольство среди казахских ветеранов труда и войны. На стихийных митингах и сходах орденоносцы, заслуженные люди, дедушки и бабушки выступали с лозунгом: «За единый и неделимый Казахстан!» Старики грозились пойти маршем на столицу.

«Глас народа – глас божий». Пришлось кремлевским старцам уступить. Автономии не получилось.

Амантай уже тогда хорошо знал, откуда у этой кампании росли ноги. Ведь он был любимым племянником большого партийного бонзы.

Да и сам он сегодня кое-что из себя представляет. Заведующий орготделом алма-атинского обкома комсомола – фигура знаковая. Кадровые дела и аппаратные интриги без него не обходятся. Но дело не только в должности. Он уже врос в элиту. Стал своим на этом празднике жизни.

Сумел он найти общий язык и с низовыми комсомольскими функционерами. Понял: «С волками жить – по-волчьи выть».

Непросто давалась эта наука. По сей день он с юмором вспоминает, как ездил на Аральское море в командировку.

...Бешбармак на огромном блюде был знатный. Жирный, вкусный, дымящийся. Видно, из молодого свежего барашка. Слюнки у всех так и потекли. Сели. Выпили по сто грамм огненной воды...

Напрасно Амантай искал ложку или вилку. «Бешбармак» в переводе с казахского на русский означает «пять пальцев». Хозяева, оправдывая этот перевод, закатали рукава рубашек до локтей. И начали мощно метать, запуская руки в гору мяса и теста.

Амантай, как увидел, чуть не поперхнулся. Но удержался.

А вот когда секретарь райкома, высунув багровый язык, принялся облизывать от локтя к запястью текущий по рукам жир, его едва не вырвало. И он, прикрыв глаза, с минуту молча сидел за столом. Пока не притерпелся. А уж когда вмазали по второй и по третьей, то совсем освоился и даже сам попробовал есть как все...

Свой. В отличие от многих городских молодых казахов язык родной знает. Народа не чуждается. А бывало, на тое или вечеринке возьмет заведующий отделом домбру. И начнет тянуть уныло: «Орден дай! Орден дай! Орден – нету, медал дай!» Тогда Амантай подойдет потихонечку, попросит у него домбру. И как врежет. Искрометно, весело, с шутками, прибаутками. Ну настоящий акын. Хоть в айтысе участвуй.

Такой вот он, завоорг Амантай Турекулов. Не кичится своим особым положением. Хотя все понимают, чей он родственник.

И авторитет у него от этого теперь, как у секретаря ЦК.

Дядя, сдержав обещание, подобрал ему подходящую жену. Из своего жуза. Красавица Айгерим – его верная подруга. И опора в жизни. Ничего, что нет любви. Любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда.

Отец ее зампредсовмина. А родня многочисленна и дружна. Квартирка в центре Алма-Аты – их подарок молодоженам.

Но и он не лыком шит. Активно участвует в делах. Помощник.

Сейчас настало время определять – кто будет хозяином республики. Борьба идет уже давно. А обострилась она с того момента, как умер Брежнев. Он, Амантай, тогда еще совсем мальчишка на побегушках, часто видел собиравшихся в доме дяди достойных людей. Все понимали, что после ухода своего другана в мир иной Кунаев вот-вот получит от новых хозяев Кремля «черную метку». Но и Андропов, и Черненко правили недолго. И поэтому многоуважаемый Димаш Ахмедович просидел больше года даже при Горбачеве. Но сколько веревочке ни виться, а кончик будет.

Конечно, к верховной власти в республике рвутся разные кланы. И строят они свою тактику по-разному. Южанин, секретарь обкома из Кзыл-Орды Ауельбеков пытается набрать очки демократизмом и близостью к народу. Для этого демонстративно сам ходит в магазин за молоком.

Молодой, да ранний секретарь ЦК по идеологии Камалиденов интригует и пытается со своим кланом устранить соперников, собирая компромат на них и заводя уголовные дела.

Назарбаев старается ни с кем не конфликтовать. А просто, пользуясь поддержкой всесильного родственника, быстро и весело двигаться по карьерной лестнице. К сорока годам он уже дорос до поста Председателя Совета министров республики. А отсюда уже можно свободно допрыгнуть и до самого высокого кресла.

Это понимают и конкуренты. Атака начинается неожиданно. Копают под товарища Нурсултана Абишевича, его верного нукера – министра автомобильного транспорта Анатолия Родионовича Караваева. Как предлог используют развернувшуюся кампанию по борьбе с коррупцией.

Цепочка выявлялась такая. От водителей междугородних автобусов денежные ручейки текли к директорам автопарков. Те передавали их начальнику управления. А тот носил их наверх, министру.

А вот что делал с ними министр? Это и хотели узнать следователи. Может, покупал дорогие подарки вышестоящему начальству? Или устраивал для него богатые пирушки?

Дело получилось громкое. На весь Союз.

Но Караваев стоял на своем твердо. Никого не сдал. Никого не замарал...

Так что борьба за наследство велась по всем направлениям. Сцепившись в смертельной схватке, претенденты даже как-то забыли, что им надо восхвалять мудрость и величие самого Кунаева. Кроме того, хотя и молодой, но уже опытный боец, Назарбаев понимал, что его слишком часто связывают с Динмухамедом Ахмедовичем. Для того чтобы Кунаев не потянул его при отставке на дно, надо было оттолкнуться от тонущего, стареющего, теряющего московских друзей родственника.

О том, что произошло дальше, ходило много разных слухов. Марат Карибаевич как-то сказал Амантаю, что, скорее всего, Назарбаев договорился с Кунаевым о хитром маневре. И по взаимному согласию смело критиковал его на шестнадцатом съезде Компартии Казахстана. Это было нужно, чтобы сохранить власть за кланом, в котором, кстати говоря, не последнее место занимали и они с дядей, славные представители рода жигитеков.

Договориться-то они, может, и договорились. А может, и нет. И Назарбаев просто сам решил «покинуть тонущий корабль», забыв о том, что совсем недавно клялся в вечной верности вождю.

Но старый – он что малый. Когда Нурсултан начал поливать Динмухамеда Ахмедовича с высокой трибуны съезда – взыграло ретивое. Кунаев очень сильно

обиделся. И видимо, решил: не видать вам моей должности как своих ушей. И пошел раздрай.

В ноябре восемьдесят шестого Кунаев подал в политбюро ЦК КПСС заявление. Прошу, мол, освободить от должности. Орготдел поинтересовался у него: «Кто может вас заменить?» И предложил ряд кандидатур местных товарищей. Однако, когда о них спросили мнение Первого, тот дал отрицательный ответ, заявив, что в республике подготовленных людей нет. И на пост первого секретаря надо искать «человека со стороны».

Орготдел ЦК КПСС нашел в городе, где родился великий Ленин, подходящего кандидата – первого секретаря обкома партии Геннадия Васильевича Колбина. И прислал его в Алма-Ату.

Но лучше бы он сразу бросил его в растревоженное осиное гнездо.

Обидно, понимаешь! Работали-работали. Старались-старались. И такой облом.

События начались сразу после пленума, где дорогого, многоуважаемого Димаш Ахмедовича единогласно освободили от должности. В зимних сумерках из центральных, престижных районов города двинулись на окраины к студенческим общежитиям красивые, комфортабельные «Волги». В них сидели очень уважаемые, хорошо одетые люди. Они собирали в комнатах студентов и студенток. И заводили речь об ущемленном национальном достоинстве. О том, что народ оскорблен самоуправством центра.

В одной из таких машин ездил и он, Амантай Турекулов. В общежитии Казахского педагогического института все прошло хорошо. Его окружили аульные «кызымки». Слушали внимательно. Сказали, что выйдут завтра. А вот когда они подъехали на КазГУград к новому общежитию юридического факультета, где когда-то учился и сам Амантай, то там их уже ждали дружинники с милиционером во главе.

Так что пришлось срочно убегать. Садиться обратно в «Волгу». И – ходу!

Но главное было сделано. Спичка поднесена. А горючего материала хватало.

В собственной стране, в столице чувствуют себя молодые незваными гостями, ущемленными, униженными. А кто виноват? Понятное дело. Русские! Они все захватили.

Трудно и ему, Амантаю. Непросто дается правда. Но постепенно, шаг за шагом меняет он свое мировоззрение. Но как же мучительно сложно понять, оценить по-новому прошлое и нынешнее. Особенно когда дело касается твоих друзей детства.

Где ж она, та правда, которую исповедует его отец, которой учили его в школе? Знают ли ее старшие? Те, кто призвал этих молодых ребят выйти сегодня на улицы.

* * *

Он вышел на воздух. Огляделся.

Разноцветные колонны демонстрантов организованно возвращаются из города. Но заснеженная площадь уже взята в кольцо синими и серыми шинелями. А прилегающие улицы загорожены тяжелыми грузовиками. Однако молодежь это не останавливает. Она просачивается между машинами. Стягивается ручейками к трибуне. Если милиционеры препятствуют проходу, их оттесняют, отталкивают. Там и тут вспыхивают ожесточенные стычки. Толпа угрожающе растет, набухает, расплзается чернильным пятном, занимая все свободное место.

Амантай стоит сбоку, в сторонке. Только что они провели заседание в своем стеклянном аквариуме на Комсомольской улице. Первого секретаря не было. Он в Москве. Поэтому решение принимали сами. Коллегиально. Идти к людям. Разъяснять ошибочность их позиции.

Но трудно ему, Амантаю. Только вчера он этим же людям говорил о необходимости выйти. А как сегодня сказать обратное? Лучше уж помолчать. Сделать вид: «Я не я. И лошадь не моя!»

А действие на площади разворачивается своим чередом. Если с утра демонстранты боялись, жались друг к дружке, то теперь, когда численность их растёт бешеными темпами, они смелеют. Гулом и улюлюканьем встречает молодежь появление вверху на огромной красно-коричневой гранитной трибуне членов Бюро ЦК Компартии Казахстана. В пыжиковых, норковых шапках, дорогих, солидных дубленках и пальто, с сытыми круглыми лицами – эти люди разительно отличаются от тех, что собрались внизу, – в куцых куртяшках, джинсиках, лыжных шапочках, с обтянутыми кожей скулами и горящими, жаждущими глазами.

Один за другим выходят к микрофону большие дяди. Сначала выступает формальный глава государства – председатель Верховного Совета республики. Он с ходу объявляет требования демонстрантов незаконными и необоснованными. Действительно, по идее назначение первого секретаря – это чисто внутривнутрипартийное дело, которое ну никак не касается тех, кто сейчас топчется на морозе. Но люди знают, кто в доме хозяин. И посему готовы стоять до конца. Так что все призывы мирно разойтись они игнорируют. И напрасно с трибуны раздаются то уговоры, то угрозы. Выступления членов Бюро ЦК Компартии Казахстана Камалиденова, Мендыбаева, Назарбаева они уже не слушают. Встречают улюлюканьем, свистом. А потом из толпы по команде, как белые птицы, взлетают стаи из сотен снежков. И бьют в трибуну, в норковые шапки, в финские дубленки, в лица, во рты.

Толпа сгоняет с трибуны тех, чьи имена только что скандировала, возносила, восхваляла...

Начинаются стычки. Подвыпившие демонстранты бьют солдат оцепления, милиционеров, срывают с них шапки. В ответ милиция нападает на толпу. Хватает отдельных несознательных граждан. Тащит их за трибуну. В общем, пошло мочилово...

Надо разрядить обстановку. Надтрибунники решили предоставить слово демонстрантам, подтрибунникам.

Вылезла на свет божий к микрофону какая-то баба с ребенком. Что-то невнятно пробормотала.

Никто ничего не понял.

Фокус не удался.

С этого момента дела пошли вразнос.

Амантай стоит в нерешительности. Как комсюк он должен уговаривать молодежь разойтись. А как человек – он понимает и сочувствует.

Так и стоит. Раздумывает. А толпа тем временем разбивается на небольшие группы. И по всей площади идут свои митинги.

Наконец Амантай решается. И подходит к одной из таких куч. И вдруг видит, что в середине ее стоит не кто иной, как его верный усатый Ербол. В рыжем лисьем малахее с завязанными ушами и дубинкой в руках он выглядит воинственным и решительным. Набывчившись, крепко упершись широко расставленными ногами в землю, он кричит по-казахски, пересиливая динамик, откуда несется бравурная музыка:

– Казахстан богат! А мы бедны. Куда все уходит? Родители в аулах производят мясо, молоко. Растят хлеб. На нашей родной земле никто с нами не считается. Ни в одной республике нет первого секретаря другой национальности. Разве не найдется в Казахстане достойного, честного и умного человека, связанного корнями с народом, знающего его быт, культуру, нужды, интересы?! В центре считают, что мы неспособны выдвинуть руководителя из своей среды? Это оскорбление всему казахскому народу!

Толпа вокруг Ербола начинает кричать. Один красномордый, пьяный выскакивает в круг с дубиной наперевес, оглядывается мутными глазами:

– Ур! Бей их! Гадов! Опричников! Смотрите, они окружают нас!

Действительно, к площади подтягивается серо-зеленая колонна курсантов-пограничников, судя по зеленым погонам с желтой окантовкой.

Стычки ужесточаются. И учащаются. Из-за трибуны солдатам начинают подавать щиты и дубинки. С трибуны пытаются еще выступать, но ситуация явно вышла из-под контроля...

Амантай пробует пробиться к возбужденному Ерболу, сказать пару слов, но понимает, что в такой обстановке можно получить и по мордасам.

Да и как-то нехорошо получается. Вчера он звал его на баррикады. А сегодня – спасаться бегством. Не поймет его Ербол. Простой он очень для этого.

Поэтому Амантай снова выходит из толпы за оцепление. Теперь уже ничего не зависит от них. Действие идет по своему сценарию. Снежная лавина двинулась. И остается только ждать развязки...

IV

Лейтенант госбезопасности Анатолий Казаков вообще не спал в эту ночь. Он дежурил по управлению. В форме. С оружием. И когда под утро стали поступать неожиданные звонки, не растерялся, а действовал строго по инструкции. Как положено. Фиксировал. Доклаживал.

Надо сказать, что какие-то непонятные движения в студенческих и рабочих общежитиях просматривались в оперативных сводках КГБ еще вчера. Но никто на них особо внимания не обращал. Руководство, наверное, думало – ну, поговорят, пошумят. Но выйти не рискнут. И когда стали поступать первые сообщения с площади, все как-то даже подрастерялись. Но потом осознали масштаб бедствия. И кинули наличные силы к месту событий.

Так что он тоже здесь. После дежурства. На ногах. В штатском. Но с оружием.

Их задача простая. Собирать информацию. Во всех видах. Снимать события и тех, кто в них участвует, на пленку. Слушать. Смотреть. Фиксировать. Что они и делают.

Ербола несколько раз бьют дубинкой по ребрам так, что от боли все переворачивается внутри. Потом отнимают лисий малахай, шарф, перчатки. И ударами загоняют в ледяной кузов автозака. К остальным.

Тут он видит среди давки знакомых ребят из сельскохозяйственного института. Серик и Джамбул стоят обнявшись и тесно прижавшись друг к другу, чтобы сохранить тепло.

– Иди к нам! – шевелит разбитыми в вареники синими губами Серик. – Мы тут уже давно.

Ербол проталкивается к ним. Внутри немного теплее. Спрашивает:

– Вы-то как сюда попали? Вы ж никогда ни во что не лезете.

За обоих отвечает круглолицый, с сине-красной полосой от удара дубинкой поперек лица Джамбул:

– Да, брат, сидели в обед вчера с ребятами в чебуречной. Вдруг за соседним столиком парень очкастый такой говорит: «А вы завтра выходите?» Я отвечаю: «Не знаю! Куда?» А он в ответ: «А вот педагогический институт – девушки выходят!» Ну я ему и ответил: «Тогда и мы выйдем!»

– Лихо!

Машина заполнилась арестованными до отказа.

И наконец тронулась.

– Куда нас везут? – спросила симпатичная взъерошенная девушка в модной коричневой меховой дубленке и шапочке с козырьком.

– На расстрел! – решил пошутить Ербол.

На него зашикали:

– Дурак! Что мелешь!

И притихли. Машина набирала скорость. И, судя по всему, двигалась вверх по улицам. В сторону гор. Ехали минут двадцать-тридцать.

Потом остановились. Грохнула, лязгнула металлическим запором открываемая дверь. Раздался резкий, неприятный голос:

– Ну, выходите, арестанты! Чертовы националисты!

Один за другим, избитые и униженные, они спрыгивали из кузова вниз. На улицу. Ой, бай! Оказывается, здесь, прямо в чистом, заснеженном поле, стоит целая колонна таких же автозакów и автобусов. В сопровождении машин ГАИ. Где-то далеко, ниже светится огнями Алма-Ата. А тут тишина. Мороз. Темнота. И сотни людей. На снегу.

Колонна машин, которая их привезла, тронулась и, сверкая огнями фар, ушла в сторону города. А они остались стоять на обочине. Их отпустили.

– Ура! – закричали пискляво две толстушки-подружки, тоже оказавшиеся среди них.

– Дуры! Что ура-то? – сказал машинально Ербол. – До города километров двадцать. До утра не дотопаешь.

Было холодно. Ныло, болело избитое, искусанное собаками тело. Но гнев не проходил: «Вот как они с нами. Ну мы вернемся и покажем вам, гады! Завтра же покажем. Там же, на площади! Ур! Бей их!»

И он побрел в сторону ближайших огней. Следом за ним потянулась длинная колонна, заковыляли по заснеженной дороге друзья по несчастью.

которые своим выходом на площади и улицы опровергают это. Будят и у него какое-то еще не до конца понятное чувство. Своей какой-то особостью они как бы говорят: «Нет, мы не такие, как вы. Мы другие. Мы не советские. Мы – казахи».

А кто тогда мы?

* * *

Еще целый день бушевал город. Власти, не справившись с волной, призвали на улицы с заводов, фабрик и учреждений тысячи дружинников. И так уж получилось, что в их рядах большинство оказалось русским. И когда демонстранты ринулись на республиканский телецентр, их первой жертвой стал русский инженер.

Так был вбит клин в «вечное дерево дружбы наших народов».

На смертоубийства власти ответили еще более жестко. Начались аресты. Спецоперация под поэтическим названием «Метель» так вымела улицы когда-то мирного города, что к ночи они полностью обезлюдели.

В столице наступило затишье.

В декабрьские дни 1986 года состоялось первое в новейшей истории СССР крупное национальное выступление. Оно стало прологом к гибели великой империи.

VII

Вдоль по улице метелица метет. Ну а улица через город нас ведет. И называется она именем Ленина.

Чугунно-черный, слегка припорошенный снегом памятник вождю мирового пролетариата стоит в самом сердце города оружейников. Позади него куб

серого бетонного здания обкома партии. Впереди площадь. На краю ее примостились два крутобоких храма. Это центр Тулы.

На дальнем конце улицы другой памятник. Бородатому мужику с простой крестьянской внешностью. Только не мужик это вовсе. А граф. И гений.

Между двумя этими символами и живет теперь Галинка Озерова. Кстати, она вовсе и не Озерова. Женщины, как монахи, отрекаются от своей природной фамилии, а заодно и от прошлой жизни, выходя замуж. Вместе с замужеством приходят в их жизнь не только радости. Но и проблемы.

* * *

Доктор старенький, маленький, седенький. С острой бородкой. В очках. И говорливый. Усаживает в кресло, а сам все выпрашивает:

– Мужа любишь?

А что она может ответить?

– Люблю!

– Ну тогда потерпи, голуба. Потерпи, милая!

Приходится терпеть. Ведь в жизни каждой женщины есть такие неприятные моменты, как визит к врачу-гинекологу. Осмотр. Досмотр. Лежишь и чувствуешь себя... Ох! Кем только себя ни чувствуешь, пока врач что-то делает между твоих раскинутых ног...

Наконец доктор присел за столик. Склонился розовой лысиной над синей медицинской карточкой. Галина тихонько слезла с кресла. Оделась. Тоже присела на краешек беленького хлипкого стульчика.

«Что скажет? Чем обнадежит?»

– С вами, голубушка, все в порядке, – наконец прерывает молчание он. – Ищите причину в любимом муже.

И как сказать теперь ему, Владиславу, чтобы он сходил к врачу? Уже два года живут. Ее и мама, и теща, и подруги ну просто достали. Ну когда? Ну что? Когда ждем? Кого ждем? Вот вынь и роди. Она уже и ругаться перестала.

Осторожно прикрыла за собой дверь женской консультации. И мимо памятника графу-мужику пошла на работу.

Холодно, ой как холодно на морозе песни петь. За коленки хватает. Подгоняет. Надо побыстрее по хруп-кающему снегу добежать до конторы.

И что привязалась к ней, крутится в голове эта глупая, невесть откуда взявшаяся песенка:

В деревне Ясная Поляна

Жил Лев Николаич Толстой.

Не ел он ни рыбы, ни мяса.

Ходил по деревне босой.

Жена его Софья Толстая,

Напротив, любила поесть.

Она не ходила босая,

Спасая дворянскую честь.

Я этому графу Толстому

Прихожусь двоюродный внук.

Подайте, подайте босому.

Из ваших мозолистых рук.

Сказано – сделано. Вместе с «похитителями» она потихоньку вышла из зала, где проходило торжество. И спрятались на кухне. В подсобном помещении.

Ну а Шурки Дубравина друзья – Вовка Лумпик да Валюшка Лисикина – пустили среди гостей слух: «Приехал Дубравин и увез невесту на каких-то новых “жигулях”».

Бедный жених весь потерялся. Принялся метаться туда-сюда по залу. Заламывать руки.

То-то деревня потешилась над городом.

Но в конце концов все утряслось. Уладилось. Невесту вернули.

И догуливали свадьбу еще два дня.

* * *

Начали они жить-поживать. И добра наживать. Муж оказался добрый. Ласковый. Отогрел ее после прабабки. (Злобная старуха оставила в ее жизни и душе неизгладимый след.) Все стало на свои места. Ее любили. И она, ни минуты не сомневаясь, торжественно поднесла ему свой девичий дневник. Тем самым давая понять, что ради семьи полностью отказывается от своей личной, потаенной жизни. «Владик, я вся твоя», – говорила она ему этим жестом. Он, соответственно, доверил ей свои записи. Прочитали. Обменялись. И торжественно, как мосты, сожгли дневники, поклявшись быть верными друг другу до гробовой доски.

Так стала она из Озеровой Шушункиной. Фамилия теперь у нее такая. По мужу. Шушункина.

Ну а первая любовь? Так то была греза! Какое-то наваждение! Мечта!

